

В.В. Есипов

Вологда

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

ВАРЛАМ ШАЛАМОВ И ВОЛОГОДСКИЕ ПИСАТЕЛИ. Часть 1

Разговор о Варламе Шаламове и вологодских писателях редактора журнала с В.В. Есиповым, автором многочисленных статей, книг, в том числе «Варлам Шаламов и его современники» (2007), «Шаламов» в серии «Жизнь замечательных людей» (2012, 2019), «О Шаламове и не только: статьи и исследования» (2020), составителем шаламовского двухтомника «Стихотворения и поэмы» (2020).

В. Шаламов, Вологда, С. Викулов, В. Гура, Б. Непеин, А. Романов.

Л. Е. Начало автобиографической повести В.Т. Шаламова, мне кажется, уже в памяти народной: «Есть три Вологды: историческая, красивая и сыльная. Моя Вологда – четвертая» (здесь и далее цит. по: [5, с. 16]). В издании «Четвертой Вологды» 2017 года «Древностями Севера» (Вы являетесь составителем, ответственным редактором, автором вступительной статьи и комментариев) многое о Вологде Шаламова уже проговорено. Мы немало знаем о первых семнадцати годах жизни в Вологде – с подробностями: «от кубиков, по которым он научился читать уже в трехлетнем возрасте у подола матери на кухне, до окончания школы и отъезда из дома осенью 1924 года, “в листопад боярышника и березы”» [5, с. 11]. Знаем о приездах домой на каникулы из Москвы. О стоянке в Вологде в арестантском вагоне, когда Шаламова везли на Северный Урал: «Стояли в Вологде – там в двенадцати минутах ходьбы жили мой отец, моя мама. Я не решился бросить записку...» Знаем о том, что Варлам заезжал домой после трехлетней вишерской ссылки. О приезде на похороны отца в марте 1933 года и показе матери невесты, Галины Гудзь, осенью 1934 года (предположительно). Приезд на похороны матери в декабре того же года был последним. Из письма Шаламова к Ирине Павловне Сиротинской Вы цитируете: «После смерти матери крест был поставлен на городе» [5, с. 11].

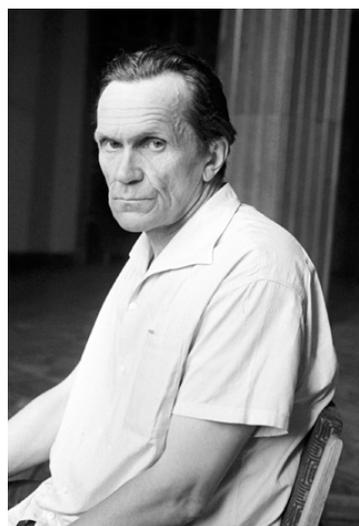
В дальнейшем связующих звеньев не образовалось – ни лично-дружеских, ни творческо-публикационных. Они могли бы быть, но Вологда литературная времен Шаламова ничем не привлекла его, и о нем здесь, как я понимаю, знали немногие. Давайте попробуем разобраться в этом вопросе.

Я знаю, что в начале 1960-х у кого-то в Москве появилась мысль об издании книги стихов в Вологде, и не забыть этой «наивно-бесцеремонной» формулировки: «У нас тут своих много, а вы еще с каким-то Шаламовым» [5, с. 11]. Будьте добры, есть запись самого Шаламова?

В. Е. 15 ноября 1964 года он пишет А.И. Солженицыну:

«...Недавно мне пришло письмо из Вологодского отделения Союза писателей с просьбой дать книгу,

написать «писательскую» автобиографию. Писательская автобиография должна (по тексту письма) быть написана «сочно», «образно». Честное слово, так и пишут, письмо у меня.

В. Шаламов

Вологда никогда не обращалась ко мне. В рассказах, которые я написал в тридцатых годах, были вещи и на вологодском материале – никто оттуда ничего не говорил, не писал. С 1957 года печатают мои стихотворения, указывая, что автор – вологжанин. Никаких рецензий в вологодской газете. В 1961 году выходит «Огниво», имеет рецензии в нескольких городах, только не в Вологде. В 1962 году я сидел в кабинете одного ответственного товарища в «Литературной газете». Товарищ этот говорит: «Слушайте, Варлам Тихонович, хотите я Вам устрою книжку стихов?» – Еще бы.

Берет телефон, заказывает Вологду, и через пять минут говорит не то с Мальковым, не то с Малковым. Завтра вологодская книжка удачи.

– Слушайте телефон.

– Я слушать не могу.

И каждый ответ он мне повторяет шепотом.

– Нет, это очень трудно, у нас своих много, а Вы еще с каким-то Шаламовым. Надо, чтобы написал предисловие какой-нибудь московский писатель.

– Каждый московский писатель будет считать долгом дать предисловие к книжке Шаламова.

– Ну, хорошо, мы напишем ему сами. Дайте его адрес. Записывается мой адрес и все.

Моему доброхоту было очень стыдно встречаться со мной.

Выход «Шелеста листьев» не произвел на Вологду никакого впечатления. И только после рецензии Инбер в «Новом мире» они вдруг обратились ко мне с просьбой написать «сочно» и «образно» и прислать две книжки уже изданных, из которых они выберут.

Я хотел сказать, что разговор начат не с того конца, что они должны бы просить у меня ненапечатанных или прозу, но передумал и написал просто короткий отказ...» [2, с. 298].

Л. Е. Как Вы думаете, кто мог хотеть от Шаламова «сочного» и «образного» изложения «писательской» автобиографии? Письма из Вологодского отделения Союза писателей не сохранилось? Я обратила внимание на перечисленные имена во вступительной статье к «Четвертой Вологде»: «Были попытки установить литературные контакты со стороны писательской организации через С. Викулова, В. Гуру, А. Романова, но они закончились только небольшой публикацией стихов Шаламова в альманахе “Поэзия Севера” (Архангельск, 1966)» [5, с. 11]. Там же Вы называете Малкова: «тогдашний директор вологодского филиала Северо-Западного издательства В. Малков» [5, с. 11].

И достиг ли сборник «Шелест листьев» Вологды?

В. Е. Первого письма из Вологодской писательской организации Шаламову в его архиве не сохранилось, и кто именно ляпнул про «сочно» и «образно» (писателю с такой судьбой!) установить непросто. Полагаю, что С. Викулов и А. Романов к подобной лексике не прибегали – они все же поэты, так что хочешь не хочешь, приходится думать о В.В. Гуре – литературоведе и профессоре пединститута. (В.М. Малков тогда о Шаламове вообще не знал, да он и был далек от писательской «кухни»). Причастность В.В. Гуры к пресловутой «сочности» подтверждают и другие детали, в том числе его письмо Шаламову 17 марта 1965 г., которое будет приведено ниже. Что касается сборника «Шелест листьев», он вышел весной 1964 г. и в отличие от первого сборника «Огниво», который был выпущен тиражом всего 2 тысячи экземпляров, имел тираж 10 тысяч – небольшой по тем временам, но и не маленький. В письме О.С. Неклюдовой 8 апреля 1964 г. Шаламов писал:

«Совашкевич (друг детства ВТ) приехал из Вологды и говорит, что 10 экземпляров «Шелеста» продали за 1 час. Что это за заказ – 10 экз. для магазина на моей родине? Магазин №100 на Тверской торговал «Шелестом» до обеда в день продажи» [3, с. 300–301].

Л. Е. В те годы объем продаж не влиял на издательские планы? Издания были централизованно-плановыми?

В. Е. В те годы всё было централизовано. Для Вологды заказывал книги облкниготорг, ориентируясь

по тематическим планам московских издательств. Поскольку Шаламова никто не знал как вологжанина, его книжку, вероятно, и заказали по средней стандартной мерке. Полагаю все же, что поступило не 10 экземпляров, а больше. Часть книг распределялась по «разрядке» в районы, а часть, по тогдашней традиции, – «по благу», среди узкого круга лиц, в том числе высокопоставленных (например, завязтым книголюбом был зав. сектором печати обкома КПСС В.Т. Невзоров, курировавший писательскую организацию). Но очевидно, что первым в Вологде прочел сборник «Шелест листьев» Б.С. Непеин, друг детства Шаламова. Он был профессиональным библиографом, работал в облкниготорге и следил за всеми новинками. Между прочим, в отделе редких книг областной научной библиотеки среди изданий, подаренных поэтом А.А. Романовым, есть сборник Шаламова «Шелест листьев» с дарственной надписью Б.С. Непеина от 1 марта 1964 г.: «Саша! Рекомендую тебе эти стихи хорошего поэта, вологжанина, друга моей юности».

Б.С. Непеин

Надо уточнить, что рецензия Веры Инбер на книгу Шаламова была опубликована в «Литературной газете» позднее – 23 июля 1964 г. Рецензия известной поэтессы, автора поэмы «Пулковский меридиан» (ее ценил и Шаламов), была очень благожелательной, но в ней была допущена ошибка. Говоря о стихотворении «Виктору Гюго», Инбер писала о «злой участи поэта», по вине которой он именно в «снежной Вологде» смотрел «Эрнани», то есть она думала, что при Сталине Шаламов находился в ссылке в Вологде, а не в лагере на Колыме. Шаламов отметил эту ошибку, кроме того, на нее, несомненно, обратили внимание и вологжане, тот же Непеин. Ведь он тоже был репрессирован в 1937 году и сидел в лагере под Красноярском. Но Борис Сергеевич старался – как и многие в те годы – умалчивать об этой странице своей биографии. И неизвестно, откликнулся ли он какой-либо заметкой в газете о выходе в Москве книги своего друга детства. Обычно Непеин писал такие заметки о всех книжных новинках, но пока его отклика в шаламовской библиографии не обнаружено. Важно вообще внимательно изучить архив Б.С. Непеина – там

может быть много интересного, в том числе о Шаламове. Пока же мы знаем один факт, бесспорно, исторического значения: именно Непеин на склоне своих лет, в 1979 г., впервые указал художнику Я. Крыжевскому на дом, где родился и жил Шаламов, тот передал эту новость сотрудницам картинной галереи, и с этого и началась история Шаламовского дома...

Л. Е. Да, это очень интересно – тоже надо бы прояснить, но, думаю, в отдельном разговоре. Стихотворение «Виктору Гюго» важно для понимания духовной биографии Шаламова – давайте процитируем:

*В нетопленном театре холодно,
А я, от счастья ошалев,
Смотрю «Эрнани» в снежной Вологде,
Учусь растить любовь и гнев.*

*Ты – мальчик на церковном клиросе,
Сказали про тебя шутя,
И не сумел ты, дескать, вырасти,
Состарившееся дитя!*

*Пусть так. В волненьях поколения
Ты – символ доброго всегда,
Твой крупный детский почерк гения
Мы разбираем без труда.*

В. Е. Уточню, что это стихотворение было написано Шаламовым в 1958 г. и впервые опубликовано в его первом сборнике «Огниво» (1961). Получается, что тогда никто из вологжан не обратил на него внимания, и Шаламов досадовал на земляков вполне справедливо. Таким образом, только упоминание о родной «снежной Вологде» в сборнике «Шелест листьев» открыло вологжанам имя земляка. Интересно, что в этом сборнике, подаренном Б.С. Непеиным, А.А. Романов отметил лишь одно стихотворение «Память», написав на полях: «Замечательно!».

ПАМЯТЬ

Если ты владел умело
Топором или пилой,
Остается в мышцах тела
Память радости былой.

То, что некогда зубрила
Осторожная рука,
Удержавшая зубило
Под ударом молотка,

Вновь почти без напряженья
Обретает каждый раз
Равновесие движенья
Без распоряженья глаз.

Это умное уменье,
Эти навыки труда
В нашем теле, без сомненья,
Затаились навсегда.

27

Сколько в жизни нашей смыто
Мощною рекой времен
Разноцветных пятен быта,
Добрых дел и злых имен.

Мозг не помнит, мозг не может,
Не старается сберечь
То, что знают мышцы, кожа,
Память пальцев, память плеч.

Эти точные движенья,
Позабитые давно, —
Как поток стихотворенья,
Что на память прочтено.

Замечательно!

Л. Е. «Память» (1957) – знаменитое, нравившееся многим стихотворение, впервые опубликованное в журнале «Москва» в марте 1958 года. Оно не встретило никаких цензурных придинок, хотя Шаламов, как Вы показываете, ввел в него лагерный подтекст.

*Если ты владел умело
Топором или пилой,
Остается в мышцах тела
Память радости былой.*

*То, что некогда зубрила
Осторожная рука,
Удержавшая зубило
Под ударом молотка,*

*Вновь почти без напряженья
Обретает каждый раз
Равновесие движенья
Без распоряженья глаз.*

*Это умное уменье,
Эти навыки труда
В нашем теле, без сомненья,
Затаились навсегда.*

*Сколько в жизни нашей смыто
Мощною рекой времен
Разноцветных пятен быта,
Добрых дел и злых имен.*

*Мозг не помнит, мозг не может,
Не старается сбегать
То, что знают мышцы, кожа,
Память пальцев, память плеч.*

*Эти точные движенья,
Позабитые давно, –
Как поток стихотворенья,
Что на память прочтено.*

В. Е. Понятно, почему это стихотворение так понравилось А.А. Романову. Ведь оно было посвящено, казалось бы, радости физического труда, столь близкой всем выходцам из крестьянства, представителям «деревенской» поэзии. Между тем Шаламов задумывал его как посвященное горечи лагерного труда, и в первоначальных вариантах стихотворения (подробно см.: [4, т. 2, с. 433–437]) это ярко отражено: например, вместо «топором или пилой» было «топором или киркой» (кирка – то же, что кайло). Ясно напоминали о лагерном прошлом и строки, прошедшие в печать: «память пальцев, память плеч». Но чтобы понять, что стоит за «памятью плеч», надо было знать биографию Шаламова, а в Вологде ее тогда, увы, практически никто не знал. А строка «Смотрю “Эрнани” в снежной Вологде» из стихотворения «Виктору Гюго» казалась вологодским литераторам, наверное, слишком книжной: они вряд ли знали об этой героической драме, которую видел юный Шаламов на сцене вологодского театра Революции в 1921 году. Что им Эрнани¹ и что Гекуба?..

Л. Е. Да, не по-человечески обратились к нему – по-функционалнерски.

В. Е. И очень провинциально при этом.

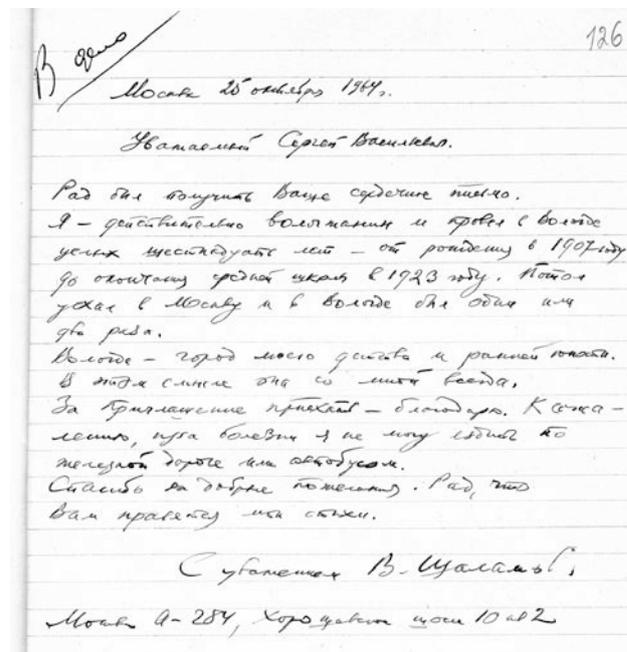
Л. Е. Есть ли еще какие-то письма из Вологды Шаламову?

В. Е. Как верно заметил сам Шаламов, официальные обращения к нему начались лишь после выхода рецензии Веры Инбер на сборник «Шелест ли-

¹ В автокомментарии (1969) к стихотворению «Виктору Гюго» Шаламов писал: ««Эрнани» Виктора Гюго – моя первая встреча с театром. Для этой первой встречи отец мой выбрал драматурга, в возвышенном образе мыслей которого отец не сомневался. Значение первого удара в детскую душу такого сильнейшего рода искусства, как театр, – было отцом учтено. В годы гражданской войны в Вологде шли гастролы знаменитого русского трагика Н.П. Россова – одного из последних моголан театрального романтизма. Актер и режиссер театра Шекспира, Шиллера и Гюго был уже седым стариком. В «Эрнани» Россов играл девятнадцатилетнего короля Карла. Я был потрясен театром. Впоследствии мне удалось прочесть замечание Анатоля Франса по адресу Виктора Гюго: «Гюго жил и умер мальчиком с церковного клироса». Франс, много меньшего таланта в масштабе, чем Гюго, развязно похлопывал по плечу романтика драматурга.

Стихотворение «Виктору Гюго» – мой ответ Франсу. «Крупный детский почерк гения» – мой собственный вклад в эту проблему. «Эрнани» я смотрел в Вологде зимой в битком набитом театре, нетопленном, отогревая руки дыханием и замороженно глядя на сцену, где белый пар шел изо рта и короля Карла, и Эрнани – что придавало лишнюю романтичность, лишнюю приподнятость, лишнюю условность этому замечательному спектаклю. Я сидел рядом с товарищем по классу Алексеем Веселовским, вничатым племянником Александра Веселовского. Алеша часто сплевывал в платок и бережно засовывал руку с сухими пальцами за пазуху. А на следующий день шли «Разбойники» Шиллера, где Россов играл не Карла (как миллион раз раньше), а Франца, Франца Моора. Свои роли Россов играл без суфлера» [4, т. 2, с. 465–466].

стьев» в «Литературной газете» летом 1964 г. Первым обратился тогдашний ответственный секретарь Вологодского отделения Союза писателей РСФСР С.В. Викулов. К сожалению, текста его письма не сохранилось, но о содержании (а также и о дате – примерно октябрь 1964 г.) можно судить по ответу Шаламова Викулову:

«Москва, 25 октября 1964 г.

Уважаемый Сергей Васильевич.

Рад был получить Ваше сердечное письмо.

Я – действительно вологжанин и провел в Вологде целых шестнадцать лет – от рождения в 1907 году до окончания средней школы в 1923 году. Потом уехал в Москву и был в Вологде один или два раза.

Вологда – город моего детства и ранней юности. В этом смысле она со мной всегда.

За приглашение приехать – благодарю. К сожалению, из-за болезни я не могу ездить по железной дороге или автобусом.

Спасибо за добрые пожелания. Рад, что Вам нравятся мои стихи.

С уважением

В. Шаламов.»

(ГАВО. Ф. Р-846. Оп. 1. Д. 40. Л. 126).

Как видно, Шаламова хотели пригласить в Вологду, но он отказался из-за недуга, диагностированного еще в 1957 г.: болезнь Меньера, поразившая его глухотой и расстройством вестибулярного аппарата, сделала его инвалидом, и он не мог ездить на дальние расстояния – он и по Москве предпочитал ходить пешком, лишь в редких случаях пользуясь метро.

Вологда, демонстрируя свою благожелательность к землякам, все еще пыталась поддерживать с ним контакты, причем, на самом высоком уровне. В архиве Шаламова сохранилась машинописная открытка с факсимильной подписью тогдашнего первого секретаря обкома КПСС А.С. Дрыгина:

«Уважаемый Варлам Тихонович! Вологодский обком КПСС от имени всех земляков сердечно по-

здравляет Вас с наступающим Новым годом. Желаем Вам доброго здоровья, счастья в личной жизни и дальнейших творческих успехов. Секретарь обкома Дрыгин. 28 декабря 1964 г.» (РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 71).

Как можно догадываться, инициатором этого поздравления был упомянутый выше работник обкома В.Т. Невзоров, курировавший литературные связи с Москвой и вологодскими земляками (А. Яшиным, В. Тендряковым и другими). Но Шаламова нисколько не порадовало это шаблонное и скорее формальное поздравление – он ждал реальной поддержки, именно в выпуске своей книги стихов в Вологде. Поддержка нужна была и материальная, крайне важная для него: с 1958 г. он получал мизерную инвалидную пенсию 26 рублей, с 1963 г. – 42 рубля и лишь в конце 1965 г. ему помогли оформить «горняцкую» пенсию 72 рубля за работу на Колыме. Но более важной была моральная поддержка: книга, изданная на родине, несомненно, окрылила бы Шаламова и он бы стал гораздо мягче относиться к Вологде! Увы, этого не случилось. Позднее – в письме И.П. Сиротинской 8 июля 1968 года – Шаламов писал: «...крест был поставлен на городе, несмотря на энергичные действия союза писателей Вологды и первого секретаря обкома по зачислению меня в “земляки”» [2, с. 461].

Л. Е. На этом контакты с Вологдой прекратились?

В. Е. Нет, попытки включить Шаламова в местную литературную жизнь продолжались, но они имели очень скромный результат. Сохранилась небольшая переписка Шаламова с В.В. Гурой начала 1965 года. Первое письмо Варлама Тихоновича, датировано 27 января:

«Уважаемый т. Гура!

Я начал было писать кое-что для Вологды, но разрослось в 5–6 листов и для Вашего сборника² не годится. Поэтому прошу освободить меня от обещания и сдать сборник без моего участия.

Последняя моя книжка – сб. стихов «Шелест листьев». Прислать Вам эту книжку, к глубочайшему моему сожалению, не могу – книжка вышла год назад, и у меня да и нигде в Москве не найти ни единого экземпляра.

С уважением

В. Шаламов» (РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 1).

17 марта В. В. Гура писал Шаламову:

«Глубокоуважаемый Варлаам³ Тихонович!

Ваши стихи для антологии северной поэзии мы получили. Большое спасибо!

А вот автобиографии для сборника «Писатель и время» все еще нет от Вас.

Вы сообщаете, что начатая работа разрослась до 6 листов. Это действительно для нас многовато. Может быть, можно сделать краткий вариант страничек на 10–12. Это ведь теперь совсем не так трудно для Вас?

² Подразумевается сборник «Писатель и время» с автобиографиями авторов, написанными «сочно» и «образно». См. следующее письмо от В.В. Гуры. Выход сборника не состоялся.

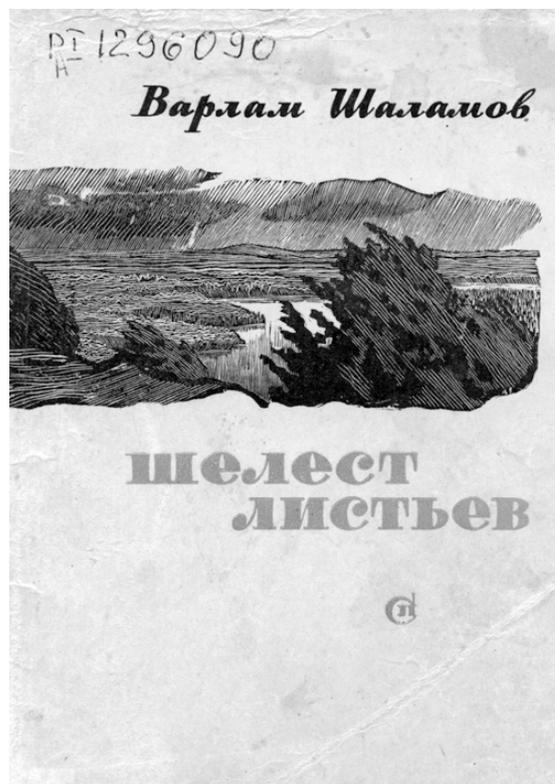
³ Очевидно, старинным написанием имени Гура хотел польстить Шаламову, но того это скорее раздражало, т.к. он давно перешел на краткую форму «Варлам».

Нам бы очень хотелось получить теперь от Вас автобиографию. Она нужна еще и потому, что мы хотим представить в этом сборнике всех вологжан. Не отказывайтесь, пожалуйста, от участия в этой книге. Еще раз прошу Вас об этом.

Большая часть сборника уже собрана.

Всего доброго!

С уважением – В. Гура» (РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л.1).

Обложка книги

Вскоре Шаламов ответил, и достаточно резко:

«Уважаемый Виктор Васильевич!

На Ваше любезное письмо отвечаю решительным отказом. Те 6 листов, которые написаны – это детство в Вологде, рассказ о белке, которую убивали целым городом и теплый трупик зверька лежал на <нрзб> траве среди гогочущей, кричащей, разъяренной толпы полузверей. Это – самое сильное впечатление моего детства⁴.

Вот о чем эти 6 листов, также немного о школе, о пожаре 1920 года – словом, никакого «экстракта» получить тут нельзя!

С уважением

В. Шаламов» (Оба письма: РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 1–2. Черновики).

Л. Е. Насколько я понимаю, желание «экстрактов» – своеобразное продолжение просьб о «сочности» и «образности»?

В. Е. Да, это и указывает на стиль В.В. Гуры. Мы видим здесь попытку Шаламова предложить Вологде в виде автобиографии свою прозу, написанную в характерном для него стиле жесткой «новой прозы».

⁴ Очевидно, речь идет о варианте рассказа «Белка» (1966).

Несомненно, рассказ о том, как толпа людей в Вологде в 1918 г. гоняется за белкой и убивает ее, шокировал бы всех вологодских писателей, и они не допустили бы его к печати. Эту «непроездимость» понял и сам Шаламов, отказавшись от своей попытки. (Очевидно, что она представляла первые подступы к «Четвертой Вологде»).

Л. Е. Но подборка стихов Шаламова все же вышла?

В. Е. Вышла не в Вологде, а в Архангельске, в альманахе «Поэзия Севера», вместе с другими вологодскими авторами. Кроме В.В. Гуры подготовкой этого альманаха занимался А.А. Романов, что видно из письма Шаламова:

«Уважаемый г. Романов!

Благодарю за любезное письмо. Я посылаю Вам пятнадцать стихотворений. Это те, которые я считаю «наиболее характерными для себя». Три задачи ставил я перед собой, отбирая стихи, три цели. Первая – дать ту «природу природствующую» (по известному определению Спинозы⁵), появление которой в русской поэзии я считаю своей главной заслугой, главной темой моей. Вторая задача – стихи о судьбе, о связях искусства и жизни. Третья – стихи о городе моего детства и ранней юности – «Виктору Гюго» и «Старая Вологда». Все эти три задачи я постарался выполнить.

Разумеется, я мог бы все эти стихи заменить другими, еще более для меня важными, но из Вашего письма понял, что речь о подборе стихов для антологии.

Еще раз благодарю за внимание.

С сердечным уважением В. Шаламов.

Прошу извещать меня “по ходу дела”» (РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 1. Машинописная копия).

К письму приложен список стихотворений для антологии:

1. Ода ковриге хлеба
  2. Шесть часов утра
  3. Сосны срубленные
  4. <в тексте пропущено>
  5. Бивень
  6. Каменя
  7. Пень
  8. Арктическая ива
  9. Лиловый мёд
  10. Память
  11. Виктору Гюго
  12. Старая Вологда
  13. Хрусталь
  14. Поэзия – дело седых
  15. У крыльца.
- (Там же. Л.2.)

Фактически же в антологии «Поэзия Севера» опубликовано семь стихотворений Шаламова: «Ода ковриге хлеба», «Каменя», «Арктическая ива», «Лиловый мед», «Память», «Старая Вологда», «Поэзия – дело седых».

Л. Е. Все стало классикой, по-моему. И в большинстве своем, как я понимаю, это были уже опубликованные стихотворения. «Оду ковриге хлеба» (1957) сразу же напечатал журнал «Москва». «Редкая участь моих стихов», – писал Шаламов [4, т. 2, с. 458].

*Накрой тряпьем творило,
Чтоб творчества игра
Дыханье сохранила
До самого утра.*

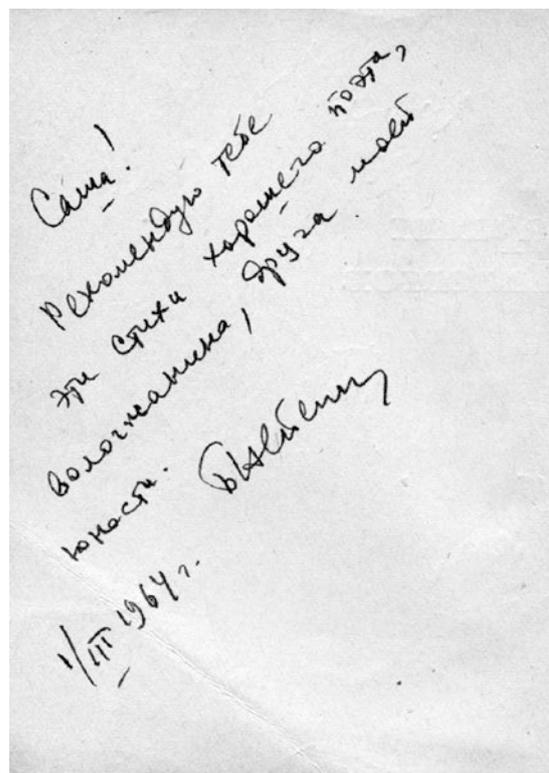
*Дрожжей туда! Закваски!
Пусть ходят до зари
В опаре этой вязкой
Броженья пузыри.*

*Пускай в кадушке тесной,
Пьянея в духоте,
Поисчет это тесто
Исхода в высоте.*

*Пускай в живом стремленьи
Хватает через край,
Торопит превращенье
В пшеничный каравай.*

*И вот на радость неба,
На радость всей земле
Лежит коврига хлеба
На вымытом столе.*

*Соленая, крутая,
Каленая в жаре,
Коврига золотая,
Подобная заре.*

⁵ Подробнее эта мысль Б. Спинозы развита Шаламовым в большом автокомментарии к стихотворению «Я вовсе не бежал в природу...» (1963, включено в сборник «Шелест листьев») (см.: [4, т. 2, с. 495–479]).

В. Е. Шаламов не зря писал (иронически), что это стихотворение постигла «редкая участь» быть напечатанным сразу, без проволочек – оно отвечало оптимистическому духу эпохи «оттепели» и воспевало хлеб, что было, опять же, близко вологодской «крестьянской» линии литературы. Возможно, кто-то из вологжан, узнавших к тому времени, что Шаламов много лет провел в лагерях, недоумевал, откуда у него такое знание секретов выпечки хлеба. Но только в «Четвертой Вологде» он рассказал, как в детстве постоянно крутился на кухне возле русской печи, где его мама каждый день обязана была (по правилам, заведенным отцом) выпекать свежий хлеб, с вечера готовя опару. С другой стороны, в этом стихотворении, несомненно, присутствует и своего рода «лагерный» мотив: так страстно воспеть рождение хлеба мог только много голодавший человек.

Л. Е. «Камея» (зима 1952/53) – стихотворение отчетливо колымское. Оно очень нравилось Пастернаку. В 1956 г. Борис Леонидович рекомендовал его в «День поэзии», но по каким-то причинам «Камея» не вышла. При первой публикации в сборнике «Огниво» цензура не пропустила вторую строфу о «преждевременных морщинах» и «отчаянье тщеты». В «Шелесте листьев» и в антологии оно было опубликовано полностью.

*На склоне гор, на склоне лет
Я выбил в камне твой портрет.
Кирка и обух топора
Надежней хрупкого пера.*

*В страну морозов и мужчин
И преждевременных морицин
Я вызвал женские черты
Со всем отчаяньем тщеты.*

*Скалу с твоею головой
Я вправил в перстень снеговой,
И, чтоб не мучила тоска,
Я спрятал перстень в облака.*

В. Е. Тут я могу поделиться интересным и приятным воспоминанием: в 1990 г. при открытии мемориальной доски Шаламова на фасаде его родного дома выступал А.А. Романов. И он прочел наизусть «Камею». То есть, кроме «Памяти» ему нравилось и это стихотворение.

Л. Е. «Арктическая ива» (1962) – еще одно опубликованное стихотворение – в журнале «Сельская молодежь» (№ 12, 1963). Оно вошло не только в альманах «Поэзия Севера» (1966), но и в «Антологию поэзии Дальнего Востока» (Хабаровск, 1967) [4, т. 2, с. 492].

*Ива цветет, погруженная в снег,
Ива должна спешишь
Жить здесь как птица, как человек,
Если решила жить.*

*Жить – значит в талую землю уснуть
Бросить свои семена,
Песню свою хоть негромко пропеть,
Но до конца, до дна.*

В. Е. К Вологде это стихотворение отношения не имеет, но имеет отношение к северу, поэтому его, вероятно, и взяли в антологию. Кроме того, оно очень короткое, емкое и точно выражает философию жизни Шаламова.

Л. Е. «Лиловый мед» (1954) – стихотворение, которое Шаламов считал одним из лучших. Его именем он хотел назвать первый сборник в издательстве «Советский писатель» [4, т. 1, с. 521].

*Упадет моя тоска,
Как шиповник спелый,
С тонкой веточки стиха,
Чуть заледенелой.*

*На хрустальный, жесткий снег
Брызнут капли сока,
Улыбнется человек,
Путник одинокий.*

*И, мешая грязный пот
С чистой слезинкой,
Осторожно соберет
Крашенные льдинки.*

*Он сосет лиловый мед
Этой терпкой сласти,
И кривит иссохший рот:
Судорога счастья.*

В. Е. Кому-то, наверное, показалось (и кажется ныне) странным, каким-то «декадентским» словосочетание «лиловый мед». Почему лиловый? Очевидно, что эпитет связан с образом имеющего лиловато-фиолетовую кожуру зимнего замороженного шиповника, последней радости колымского заключенного («судорога счастья»).

Л. Е. Конечно, в антологию не могла не войти «Старая Вологда». Стихотворение было написано в Москве в 1960 году.

*Медлительная Вологда...
Столетия и дали
Тащили город волоком,
В оврагах рассыпали.*

*Предместьями, посадами
Бросали на дороге
С глухими палисадами
Еловые чертоги.*

*Жила когда-то грезами
О Вологде-столице,
Каприз Ивана Грозного
Как сказка о Жар-птице.*

*А впрочем, вести веские
О царском разговоре –
Магическими фресками
В стариннейшем соборе.*

*Когда-то слишком пыльная,
Базарная, земная...
Когда-то слишком ссыльная
И слишком кружевная.*

Меня всегда интересуют варианты, и здесь обращаешь внимание на исправление 18-й строки с «Этапная, сквозная» на «Базарная, земная» [4, т. 2, с. 481]. Это цензурное влияние?

В. Е. Возможно, и самому Шаламову не очень нравилось «Этапная, сквозная» – ведь не всем читателям эти слова были понятны. «Базарная, земная» – более реальный образ, учитывая, что Шаламовы жили недалеко от базара («старый рынок») и базарной площади, которая в 1919 году была переименована в «Площадь борьбы со спекуляцией».

Л. Е. Прекрасное название для базарной площади (улыбаются).

И последнее стихотворение, запомнившееся многим, мне кажется, по публикации в журнале «Юность»: «Поэзия – дело седых» (1962). Poleмическая реакция Шаламова на шумный успех молодых поэтов. Впервые напечатано 6 октября 1963 года в «Неделе» [4, т. 2, с. 494].

*Поэзия – дело седых,
Не мальчиков, а мужчин,
Израженных, немолодых,
Покрытых рубцами морщин.*

*Сто жизней проживших сполна,
Не мальчиков, а мужчин,
Поднявшихся с самого дна
К заоблачной дали вершин.*

*Познание горных высот,
Подводных душевных глубин,
Поэзия – вызревший плод
И белое пламя седин.*

В. Е. Шаламова действительно раздражали некоторые молодые поэты, особенно А. Вознесенский, столь эпатажно заявлявший о своем новаторстве. На самом деле, как считал Шаламов, успех Вознесенского во многом был обусловлен тем, что читатель 1960-х годов просто не знал подлинного, более глубокого новаторства, которое несла в себе русская поэзия 1910-х и 1920-х гг. И, конечно, есть своя правда в его словах «Поэзия – дело седых». Эту правду мы открываем сегодня, читая полное собрание стихотворений Шаламова.

Л. Е. Да, так оно и есть. Был ли Шаламов удовлетворен публикацией в антологии? И кто еще вошел в нее?

В. Е. Прямых откликов Шаламова на это издание не сохранилось. Думаю, что в целом он был рад тому, что был представлен в «Поэзии Севера» и таким образом признан как земляк. Об этом говорит и присылка В.В. Гуре сборника стихов «Дорога и судьба», вышедшего в 1967 г. В областной библиотеке хранится этот сборник с дарственной надписью и небольшим письмом Шаламова:

«Уважаемый Виктор Васильевич,

Прошу принять «Дорогу и судьбу» с добрым сердцем. Как видите, я не забыл своего обещания прислать Вам свою новую книжку.

С уважением В.Шаламов. Москва. 16 сентября 1967 г.».

То есть, казус с «сочно» и «образно» был забыт, и Шаламов продемонстрировал свое благорасположение к вологодскому литературоведу.

Перед подборкой стихов в антологии разместили его фотографию с текстом:

«В. Шаламов родился в 1907 году в Вологде. Здесь прошли его детские и юношеские годы. Теперь В. Шаламов постоянно живет в Москве. Стихи его печатаются с 1932 года».

На последнюю строку он явно досадовал – ни слова не было сказано о его прозе, а вместо этого сохранилась грубая ошибка: с 1932 года печатались его очерки, а стихи начали печатать лишь с 1957 г.

Л. Е. Наверное, надо напомнить, что стихи Шаламов писал с детства.

В. Е. Не просто «писал стихи с детства» (пишут многие), а рожден был поэтом! Это очень важно для понимания его личности, ее масштабности и особенностей всего творчества Шаламова, включая прозу. Интересно заметить, что в юности, живя в Вологде, он никому не показывал своих стихов и, очевидно, стоял в стороне от кружка молодых местных поэтов, образовавших в 1925 г. группу «Борьба» (рапповского направления), куда входил Б. Непейн. Ранние литературные архивы Шаламова не сохранились, они были сожжены его родственниками после арестов 1929 и 1937 годов. Чудом удержалось в его памяти (и было записано в первые колымские тетради в 1949 г.) только одно стихотворение 1920-х годов:

*Игрою детской увлеченный,
Я наблюдаю много лет,
Как одноногие девчонки
За стеклышками скачут вслед.*

*Мальчишки с ними не играют,
А лишь восторженно галдят,
Когда такая вместо рая
Вдруг попадает прямо в ад.*

*И неудачнице вдогонку
Грозятся бросить кирпичом.
На то она ведь и девчонка,
Им все, девчонкам, ничо чем.*

Л. Е. Стихотворение навеяно вологодскими впечатлениями?

В. Е. Вполне возможно: «одноногие девчонки» и в Вологде прыгали, еще до асфальта. Конечно, сам Шаламов не считал это стихотворение сколь-либо важным для себя, но для истории его творчества оно имеет значение. Тем более, что с ним связан один забавный эпизод из литературной жизни Москвы 1920-х годов. Юный вологжанин Варлам к тому времени уже познал ее вкус, он хорошо разбирался во всех новейших явлениях в поэзии (пройдя школу ЛЕФа в кружках С.М. Третьякова и О.М. Брига и разочаровавшись в ней). В воспоминаниях «Несколько моих жизней» он писал:

«Избавленный от духовного гнета «литературы фактов», я яростно писал стихи – о дожде, о солнце, о всем, что в Лефе запрещалось».

Отнес в «Красную новь», консультантом там был Митрофанов – автор повестей «Июнь-Июль» и «Северянка». Писатель не настоящий, стихи даже взять отказался.

– Возьмите эти пастернаковские стихи. Вся Россия пишет под Пастернака. И вы тоже. И знаете, идите домой, не приносите пастернаковских стихов.

Я перечел отвергнутые стихотворения (далее следует «Игрою детской увлеченный...». – В. Е.).

Что тут пастернаковского? Я ничего не понимал...» [1, с. 306].

Этот эпизод, кроме прочего, показывает, что Шаламов имел гораздо более богатый литературный опыт, нежели многие вологжане 1960-х годов. В сущности как поэт он во многом следовал традициям «серебряного века». Поэтому его стихи выделялись и в антологии «Поэзия Севера».

Л. Е. Кто еще был представлен в ней?

В. Е. Все ведущие вологодские поэты тех лет: А. Яшин, С. Викулов, С. Орлов, Н. Рубцов, А. Романов и другие. При этом у Шаламова была самая большая подборка. Например, у Н. Рубцова было напечатано 4 стихотворения: «Тихая моя родина», «Жар-птица», «Видения на холме», «Осенняя песня». Надо заметить, что Шаламов выше всех ценил Рубцо-

ва. В 1970-е годы он написал стихотворение, посвященное ему, и откликнулся на его смерть. Но об этом, а также об отношении Шаламова к А. Яшину, С. Орлову, О. Фокиной, к «деревенской прозе» и о других интересных и острых темах мы поговорим во второй части интервью.

Литература

1. Шаламов, В. Т. Собрание сочинений : в 6 томах + 7 том дополнительный / В. Т. Шаламов. – Москва : Терра : Книжный Клуб Книговек, 2013. – Т. 4. – 637 с.

2. Шаламов, В. Т. Собрание сочинений : в 6 томах + 7 том дополнительный / В. Т. Шаламов. – Москва : Терра : Книжный Клуб Книговек, 2013. – Т. 6. – 603 с.

3. Шаламов, В. Т. Собрание сочинений : в 6 томах + 7 том дополнительный / В. Т. Шаламов. – Москва : Терра : Книжный Клуб Книговек, 2013. – Т. 7. – 521 с.

4. Шаламов, В. Т. Стихотворения и поэмы : в 2 томах / В. Т. Шаламов ; вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания В. В. Есипова. – Санкт-Петербург : Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2020 (Новая Библиотека поэта).

5. Шаламов, В. Т. Четвертая Вологда : повесть, рассказы, стихи / Варлам Шаламов ; [составитель, ответственный редактор, автор вступительной статьи и комментарии В. В. Есипов]. – Вологда : Древности Севера, 2017. – 271 с.

V.V. Esipov, L.V. Egorova

VARLAM SHALAMOV AND LITERARY WORLD OF VOLOGDA. Part 1

Discussion of the editor of the journal with Valery Esipov, the author of numerous articles and books, including *Varlam Shalamov and His Contemporaries* (2007), *Shalamov in the Lives of Remarkable People* series (2012, 2019), *About Shalamov and Not Him Alone: articles and other studies* (2020), the editor of two volumes of Shalamov's poetry (2020). Varlam Shalamov's connections with literary world of Vologda are under consideration.

V. Shalamov, Vologda, S. Vikulov, V. Gura, B. Nepein, A. Romanov.